

каждая поднесла узелокъ свой съ запасною пищею, умоляя подкрѣпить силы свои.

Путники, чтобы не оскорбить добрыхъ дѣвушекъ исполнили ихъ просьбу и потомъ начали спрашивать гдѣ онѣ живутъ и довольны-ли своимъ положеніемъ?

— О мы счастливыѣ всѣхъ нашихъ сосѣдей—отвѣчали веселыя дѣвушки—намъ Богъ даетъ постоянныя дожди, когда въ нихъ является необходимость; нашихъ садовъ неистребляетъ гусеница; наши пчелы даютъ намъ превосходный медъ. Словомъ мы пользуемся всѣми благами съ такимъ избыткомъ, что считаемъ за большое счастье, когда можемъ замануть въ селеніе наше проходящихъ путниковъ.

— Слѣдовательно вы ни въ чемъ не нуждаетесь? спросилъ одинъ изъ нищихъ.

— Ни въ чемъ, за исключеніемъ развѣ такого фонтана въ тѣни, гдѣ-бы можно было во время такихъ жаркихъ дней какъ сегодняшній, освѣжить свое тѣло. Этого только блага не достаетъ намъ для окончательнаго нашего блаженства.

— Вы будете его имѣть сейчасъ-же — сказали нищіе поднявшись съ мѣста и ударяя посохами своими въ сосѣднія скалы.

Пока изумленные дѣвушки осматривали незнакомыхъ странниковъ, говорившихъ съ такою самоувѣренностію, надъ головами ихъ образовался высокій каменный шатеръ съ большимъ сквознымъ отверстіемъ въ центрѣ и изъ потолка его въ видѣ дождевыхъ капель, начала падать прохладная вода.

Нищіе исчезли.

Съ той поры добродѣтельныя дѣвушки, какъ только чувствовали жаръ или усталость, бѣгомъ неслись къ Делекли-кафъ *) и, сбросивъ съ себя одежду, моментально освѣжались отрадными каплями освѣжающей влаги.

Скала эта, названная банею дѣвъ, до настоящаго времени существуетъ, но съ той поры какъ добрыя дѣла замѣнились пороками, ни одна уже дѣвушка не можетъ пользоваться прежнимъ изобиліемъ водныхъ капель.

|| Б и н ь б а ш ь х о б а

(тысяча-головая пещера).

Многимъ изъ посѣтителей Крыма извѣстно, что на Палатъ-горѣ существуетъ подъ этимъ названіемъ довольно большая пещера. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя названія даются народомъ не безъ причинъ. Мы, имѣя подъ рукою двѣ народныя легенды болѣе придали вѣроятія той, которая согласовалась съ историческимъ событіемъ погрома генуэзскихъ факторій въ Крыму. Въ настоящемъ же—сборникѣ мнѣшескихъ преданій намъ не приходится

стѣсняться рассказомъ и той легенды, которая не могла попасть въ наше „Универсальное описаніе Крыма“. Содержаніе ея состоитъ въ слѣдующемъ:

„Въ одно время, когда жители южнаго берега Крыма занимались своими обыкновенными сельскими работами, на нихъ внезапно набѣжали безсчетныя толпы какихъ-то свирѣпыхъ людей, вооруженныхъ съ головы до ногъ, и присвоили себѣ власть распорядителей. Несчастные туземцы, лишенные женъ и дочерей, обращены были въ рабовъ и должны были довольствоваться самымъ скуднымъ пропитаніемъ. Такая печальная судьба ужасно сокрушила бѣдныхъ тружениковъ, которые никогда не выходили за предѣлы своей земли и не посягали на чужую собственность. Но что было дѣлать, какъ избавиться отъ саранчи? Оставалось одно средство: молиться Богу и надѣяться на его милости. Добрые люди безпрекословно покорились печальной участи своей и, стараясь вытѣснить изъ сердца гнетущую ихъ тяжесть, всецѣло предалися волѣ Творца. Не возражая ни единымъ словомъ ни противъ порабощеніемъ, ни противъ женъ своихъ, которыя въ свою очередь начали угнетать ихъ съ цѣлью показать свои теперешнія права, бѣдные невольники часто скитались въ лѣсу, питаясь одними плодами изъ боязни попадаться на глаза къ повелительницамъ. Такъ прошло два, три года. Въ это время господствующее до того изнѣжилась въ роскошной обстановкѣ и до того убѣдились въ рабствѣ побѣжденныхъ, что сбросивъ съ себя оружіе, начали предаваться однимъ удовольствіямъ. Виноградный сокъ замѣнилъ имъ воду и не оставалось ни одного пришельца, который къ вечеру могъ-бы держаться на ногахъ. Но при всемъ этомъ они сдѣлались еще взыскательнѣе къ тѣмъ, которые безпрерывными трудами удовлетворяли всѣмъ ихъ потребностямъ и прихотямъ. Въ заключеніе развратившіеся варвары начали предавать нѣкоторыхъ изъ нихъ истязаніямъ какъ-бы въ забаву женамъ.

Вотъ въ это только время страдальцы очнулись отъ усыпленія своего и начали совѣщаться между собою. Нѣкоторые изъ нихъ находили, что настало удобное время свергнуть тяжелое ярмо съ плечъ единодушнымъ внезапнымъ нападеніемъ на безжалостныхъ порабощенныхъ. Для достиженія этой цѣли постановлено было, чтобы каждое селеніе избрало по одному распорядителю и чтобы эти послѣдніе сговорились-бы между собою, когда и въ какое время сдѣлать нападеніе на собственные дома, въ которые насильно ворвались коршуны и безжалостно издѣваются надъ ними.

Пока шли переговоры по этому поводу, къ берегамъ южной Тавриды подошли враждебные корсары съ цѣлью поживиться невольниками. Испуганные распорядители, не желая подвергать жизнь свою опасности, немедленно вооружили рабовъ своихъ и приказали имъ защищать свою страну подъ страхомъ истязаній. Въ этомъ только и нуждались несчастные хозяева края. Занявъ все прибрежное пространство, они зорко слѣдили за враждеб-

*) Т. е. къ дурявой скалѣ.

ными кораблями и нигдѣ не допустили сдѣлать высадки. Когда опасность миновала, порабитители возвратились съ горь и рѣшились отпраздновать торжество веселымъ пиромъ; но лишь только послышались ихъ пѣсни и музыкальные звуки, вооруженные рабы сгруппировавшись въ толпы и, выслушавъ послѣднее приказаніе старшинъ быть безошадными карателями, каждая партія направилась къ селу своему съ клятвою не покидать оружія до восстановления своихъ правъ.

Не думая ни о чемъ подобномъ господствующіе и въ эту страшную для себя минуту мечтали подвергнуть рабовъ своихъ насмѣшкамъ ихъ женъ и дѣтей. Съ этой цѣлью они выслали къ нимъ мѣшки съ приказаніемъ опуститься въ нихъ по шею и предстать въ такомъ видѣ предъ собраніе господъ.

— Хорошо было отвѣтомъ туземцевъ.

Но часъ спустя предъ пирующими явились грозные мстители съ обнаженными саблями и поражали ихъ безошаднымъ образомъ. Обезумѣвшіе отъ страха бросились въ лѣса и горы, но ожесточенные хозяева преслѣдовали ихъ выстрѣлами изъ стрѣлъ и камнями. Тоже дѣлалось и по всѣмъ остальнымъ поселеніямъ. Преслѣдованіе это продолжалось и на другой день до того времени, пока не осталось на виду ни одного врага.

Изъ всего числа злодѣевъ только тысячѣ человѣкамъ удалось укрыться въ обширной пещерѣ на Чатырь-дагѣ, известной съ того времени подъ именемъ Бинь-башъ-хоба. Но и здѣсь ихъ окружили туземцы, положившись не выпустить ни одного живымъ и довели до того, что томимые голодомъ они пожрали другъ друга. (*) Осталось отъ нихъ только одни черепа, которые долго свидѣтельствовали объ этомъ событіи и заставили позднѣйшія поколѣнія прозвать этотъ гротъ тысячаголовымъ.

12 Орфелина.

На южномъ берегу Крыма въ виду Алушты и татарскихъ деревень Шумы и Демерджи существуетъ громадная скала оригинальной формы, именуемая названіемъ послѣдней деревни. Подъ нею туземцы и теперь указываютъ на зданіе, всецѣло погребенное въ землѣ, павшимъ съ вершины ея гигантскаго размѣра камнемъ.

Я осматривалъ это мѣсто съ цѣлью раскопать его, но противъ этого возстали нѣкоторые старики изъ боязни заслужить гнѣвъ Божій. Впослѣдствіи я узналъ отъ одного грека существующую легенду по поводу этого печальнаго событія. Передавая ее читателямъ моимъ я по возможности буду держаться точныхъ словъ разказчика.

„Всѣмъ намъ известно, что въ Крыму не создано скалы выше

(*) У нѣкоторыхъ писателей разказано это событіе, какъ историческій фактъ, но мы не отвергая его, предпочитаемъ помѣстить въ отдѣлѣ легендъ классической части Тафриды.

Демерджинской. Тамъ съ незапамятныхъ временъ Творецъ неба и земли создалъ двѣ громадныя колонны изъ каменной массы съ цѣлью, чтобы праведные и грѣшныя люди сознавали-бы свои дѣянія и вѣрили въ дѣйствительную заботливость о человѣчествѣ Правосуднаго Бога.

Высоко, высоко подымались надъ вершиною скалы эти священные столбы. Взойдетъ-ли солнце оно привѣтливо посылаетъ къ нимъ свои первые лучи и колонны раздвигаются, выражая этимъ благоволеніе Бога къ безпорочнымъ дѣяніямъ дневнаго свѣтила. Подуетъ-ли вѣтерокъ съ боголюбиваго востока онъ спѣшитъ облобызывать нерукотворныя колонны и получивъ отъ нихъ отрадную вѣсть Божьяго благословенія затѣмъ уже рѣзвою струею разольется по міру. Пробудится-ли на зарѣ могущественный *айтосъ* (орелъ) властитель птицъ небесныхъ—онъ преклоняетъ голову къ подножью священныхъ колоннъ и до тѣхъ поръ не приметъ полета, пока не раздвинутся колонны—счастливые благовѣстники Творца вселенной; вспорхнетъ-ли изъ гнѣзда молодая ласточка впервые на свѣтъ Божій, она предварительно прощечечетъ молитву у священныхъ столбовъ и потомъ уже пустится плавать по безконечному океану воздуха; покажутся-ли на небосклонѣ тучи небесныя—ни одна изъ нихъ не минуетъ Демерджинской скалы, чтобы не поклониться священнымъ колоннамъ, воздвигнутымъ Господомъ на этой громадной возвышенности.

Но горе тѣмъ поклонникамъ, предъ которыми сожмутся священные столбы: проклятіе Всевышняго должно истребить грѣшника, онъ превратится въ уродливый камень и сто лѣтъ спустя будетъ сверженъ съ священной вершины въ бездонную пропасть и не отдохнетъ уже на этомъ черномъ камнѣ ни путникъ усталый, ни орлица раценная, ни филинъ зловѣщій, все будетъ чуждаться окаменѣвшаго грѣшника—даже червякъ и хищный змѣй минуютъ его съ прикрытыми глазами.

И вотъ на этой, достающей до неба скалѣ за священными столбами, на зеленѣющей равнинѣ, внезапно явился обширный храмъ съ сіяющимъ крестомъ. И видѣли жители подножія священной скалы сходящаго къ нимъ старца, убѣленного сѣдинами за подаяніемъ и думали они не угодникъ-ли онъ Божій, ниспосланный къ священнымъ прорицателямъ милости и гнѣва Творца вселенной, чтобы научить ихъ воздавать приличныя почести божественнымъ колоннамъ. Но праведный старецъ, покрытый рубищами, изнуренный тѣломъ, но бодрый духомъ, хранить въ душѣ тайну внезапнаго явленія своего. Ни чей языкъ не дерзаетъ спросить его кто онъ, откуда явился и кто ему повѣдалъ, что на отдаленномъ краю міра на неизмѣримой каменной высотѣ, прикрываемой пеленами тучъ, воздвигнуты священные столбы; никто не дерзаетъ полюбопытствовать: какою неестественною силою воздвигнутъ въ дикой пустынѣ храмъ, поражающій грѣшныхъ людей и чудотворнымъ дѣйствіемъ и великолѣпною наружностью. И не разъ бывало любознательные обитатели подножія священной ска-